

Президент Кан тихо слушал, стоя в сторонке, но его эмоции медленно выходили из-под контроля.

«Над этой женщиной издевались? Как над ней могли издеваться с такой-то силой?».

На следующий день, когда Ся Шэн проснулась, Юэ Цинь всё ещё был дома.

— Я отвезу тебя в школу и заберу в полдень, — Юэ Цинь не мог расслабиться прошлой ночью, в его голове всё время крутились сцены, как его жена и сын сталкиваются с опасностями.

— Ты опоздаешь на работу, — возразила Ся Шэн.

— Всё в порядке, мой босс... хороший.

Президент Кан вышел из своей комнаты, держа в руках ботинки, когда услышал это. Он потёр свой нос, решив надеть обувь сам. Он не совсем понимал, почему Юэ Цинь намеренно решил сменить работу.

Ведь он действительно отвёз жену и сына в школу. Если бы не работа, он бы был рядом с ними круглые сутки.

— Всё в порядке, это же школа. Люди не могут приходить сюда, только потому что им хочется. Ты должен идти на работу, — Юэ Цинь тоже осознавал, что ему нужно зарабатывать деньги.

Тем временем президент Кан безнадежно сидел в кучке «особенных» детей. Ребёнок рядом с ним наконец-то перестал жевать игрушки, вместо этого он откусил кусочек от куска хлеба.

Время от времени он поглядывал на Ся Шэн через окно. Сегодня она выглядела рассеянной. Почему-то ему показалось, что эта женщина скрывает какую-то историю. От неё исходила плотная аура «лучше не связывайся со мной».

Президент Кан всегда был очень чувствителен к опасности.

Ся Шэн опустила голову, отвечая на последнее сообщение.

[Я видела новости, всё в порядке?]

[А ты как думаешь?]

[Я не спрашивала, как ты себя чувствуешь, я спрашивала, в порядке ли преступник.]

[Это просто нос, ничего серьёзного.]

[Ты вернёшься? Нам сейчас нужны люди.]

[Нет.]

Прошло некоторое время, прежде чем собеседник ответил...

[Если пожалеешь о своём решении, обращайся к нам в любое время.]

Ся Шэн подняла голову и посмотрела на одного из детей в классе. Её сыну было четыре года.

Она до сих пор помнила, как плакала каждый день, когда ей было четыре года. Когда она была маленькой, она всегда думала, что не вырастет и не доживёт даже до совершеннолетия.

Однако сейчас её сыну было четыре года. А она сама оказалась такой взрослой.

Президент Кан наконец-то смог выйти из класса. Он сразу почувствовал, что настроение Ся Шэн немного упало. Президенту Кану не было дела до её эмоций. У всех бывают трудные времена, так что это было вполне нормально.

Он просто позволил матери вывести себя из школы.

Грусть Ся Шэн длилась недолго.

Она получила сообщение из центра искусств. У учителя возникли непредвиденные обстоятельства, и ей пришлось отменить занятие в последнюю минуту. Все ученики уже пришли, поэтому они спросили, может ли Ся Шэн подменить её на один урок.

Учительница работала полный рабочий день и вела класс фортепиано для взрослых. Это было намного легче, чем детские занятия.

Ся Шэн спросила, можно ли ей взять с собой сына. Когда они согласились, она отправилась в центр искусств вместе с сыном.

— Спасибо, госпожа Ся.

— Нет проблем, мне же за это заплатят.

— Определённо.

Президент Кан чувствовал, что её настроение всё ещё на нуле, но на её лице сияла профессиональная улыбка.

Снисходительный президент Кан испытал на себе, что такое шачику*.

П.п.: Японский термин, используемый для описания рабочего класса, жертвующего своим личным временем ради офиса.

Даже если её настроение было на нуле, она должна контролировать свои эмоции и заставлять себя работать.

В классе президент Кан сидел в последнем ряду, наблюдая за мягко улыбающейся женщиной, обучающей четырёх взрослых игре на фортепиано.

Ведя себя как робот, президент Кан наблюдал, как его мать неоднократно преподавала основы игры на фортепиано, неустанно повторяя теорию и поправляя учеников.

Это напомнило ему вчерашние песни на пианино. По непонятной причине он почувствовал странные колебания в грудной клетке.

Это была та сторона жизни, которую он никогда не видел, это была жестокость реального мира, скрытая за его розовыми очками.

<http://tl.rulate.ru/book/61640/2012647>